

Его все знают и любят. О нем много написано и сказано журналистами и критиками, да и им самим в бесчисленных интервью. Поэтому повторяться не хотелось ни ему, ни мне. И разговор у нас получился преимущественно «за жизнь».

Визави

— 50, 60, может быть. Но я знаю, что некоторые из них остались со зрителями — это абсолютно точно! В свое время — «Мой младший брат», «Два билета на дневной сеанс». Та же самая «Большая перемена». Я к этому фильму отношусь ностальгически. Он очень добрый, лиричный. Потом — «Батальоны просят огня», «Одинокая женщина желает познакомиться», «Ты у меня одна», «Все будет хорошо». И даже небольшая роль в «Романсе о влюбленных»... Они как-то остаются в подсознании у зрителей. Это самое главное для актера: чтобы твоя энергетика ушла не в воздух, а попала в кого-то. Тогда к тебе что-то возвращается. Кстати говоря, я бы с удовольствием посмотрел, как ни странно, два из своих фильмов. Была такая картина «Попутчик» с Валерием Приемыховым.

«ЮМОР — ЭТО ПРИКРЫТИЕ»

Встреча в Москве - 1997 - 21 июня, - с. 5

Александр Збруев:

— Александр Викторович, наверное, в свое время у вас было больше возможностей для самореализации, чем у нынешних молодых актеров — тогда снималось много фильмов, а сейчас кино практически нет?

— Ну, я бы не судил так категорично. Недавно я спросил у Олега Янковского, сколько картин отобрали на «Кинотавр». И он сказал, что отборочной комиссии было представлено около 60 картин. Значит, они есть — 60 новых фильмов. Только вот нет закона о кино и нет проката, чтобы их увидели зрители. Но все равно — что-то делается! Другое дело — какие это картины. У меня такое впечатление, что мы очень отстали не только в прокате, но и просто в кинематографе. Отстали от того, что сейчас делается в кино, у нас нет техники, которая существует в мире. Вот говорят: «Ох, надоели американские фильмы!..» Эти «мыльные оперы» надоели! А американские, английские фильмы, которые мы видим, — потрясающие, грандиозные! Разве у нас есть такие актеры, как Аль Пачино, Дастин Хоффман, Джек Николсон, Роберт Де Ниро, Роберт Редфорд? Да нет их! Не потому, что их рекламой создали — нет! Их создали роли, которые они играют. Они играют потрясающе! А у нас... мышление какое-то другое. Темпоритм давно изменился везде, а мы по-прежнему: полчаса зашнуровываем один ботинок и смотрим в кадр, как это происходит. Такое вот наше кино...

— «Хеппи-энд» у нас считается дурным тоном.

— Да! У нас куда ни помотришь — кругом «чернуха». Мы утратили качество. Растерялись. Не знаем, кто мы. Что нам сегодня интересно? Жизнь нас растаскивает, а куда — непонятно. Что нам нужно, что у нас болит — мы никак не можем это выразить! Вот в чем дело.

— Раньше творческая элита была особым кланом. Сейчас и там, вероятно, хватает «новых русских»?

— Сегодня мир стал совсем другим. И наша страна совсем другая. Не знаю, не могу сказать, что это за страна. Но она — другая. Сегодня очень многое зависит от того, чем ты располагаешь, что можешь вложить. Я имею в виду даже не деньги, а творчество. «Новые русские»? Я знаю очень хороших «новых русских». Знаю людей, которые очень много тратят сил и энергии на доброе дело. Никому в советское время и не снилось, сколько они работают — по 20 часов в сутки! Это плохо, но они забывают семьи, детей. Отправляют их, правда, за границу учиться, дают им образование. Но сами вкалывают абсолютно по-черному для того, чтобы все это иметь. А те «новые русские», про которых вы говорите, которые поплывают... Да я таких собственнно и не знаю. Может, просто не хожу в те места, куда ходят они.

— Вы не бываете на тусовках?

— Нет. У меня и времени-то нет. Позвали вот на «Нику». Не знаю — тусовка это или нет. Не пошел. Хотя там были и мои товарищи, и «новые русские». Но какого-то энтузиазма по поводу этого праздника у меня нет.

— Вас сейчас приглашают сниматься?

— Да. Витя Сергеев закончил картину «Шизо» («Шизофреник»). Там мы снялись с актерами нашего театра: Сашей Абдуловым, Арменом Джигарханяном, Леонидом Броневым. Предлагают и еще что-то. Но, знаете, у меня сегодня особой радости от этих приглашений нет. Не вижу будущего этих фильмов. Только тратишь время и все. Обещают снять за три месяца, а снимают полтора года. Останавливаются через день — пока появятся деньги на продолжение съемки.

— А сами не думали заняться режиссурой?

— Ой, это так давно было! Я знаю, что смогу это сделать. Смогу снять фильм не хуже, а, может, даже лучше некоторых. Это не похвальба, я говорю о том, как сегодня делают фильмы. Я не касаюсь шедевров, которые вошли в историю. Но то, что делают у нас... Конечно, можно. Но не хочется тратить время, потому что это опять — в никуда. Уж лучше театр! Потому что театр сегодня, это такое теплое место, куда идет, тянется зритель.

— Но в театре у вас сейчас не так много ролей.

— Ну, кстати говоря, я никогда много и не играл. Но об этом не жалею, не страдаю. Другое дело: что я играю? Мне, может быть, достаточно было бы какой-то одной роли, но той, которая позволяла бы сделать тот выброс, который необходим. Понимаете? Мне не нужно двадцать ролей в сезон — это выхолащивает. Для артиста это даже вредно. Недаром на Западе одну роль играют по два-три раза. Значит, есть, что сказать и в этой роли.

— А у вас есть такая роль?

— Сейчас нет. Хотя занят в театре, и сейчас репетирую.

— А что вообще влечет на сцену?

— Меня влечет на сцену возможность уйти от той дурной жизни, в которой мы часто пребываем. Может, это самообман, но мы сами нарисовали свой дом — театр и в нем поселились. Поэтому нам в нем бывает как бы ловко. Даже если что-то не так, мы все равно для себя изнутри его оправдываем.

— Мне всегда казалось, что у вас склонность к комедийности.

— Да, юмор люблю. Но юмор — это как прикрытие. А существо у совершенно другое. Хотя очень люблю пошуметь.

— У вас много друзей?

— Очень мало. Их почти нет. Вот товарищей хороших очень много. А есть ли друзья... не знаю... Может быть, они еще не объявились, не проявились? А может, и я по отношению к ним тоже еще не проявился!

— Сколько примерно у вас фильмов?

Замечательная картина! Денис Евстигнеев был оператором — это первый его фильм. Но ее почему-то всего один раз показали по телевизору, давно. А второй фильм — «Победитель» с Георгием Тараторкиным. Там есть ирония хорошая по поводу всего происходившего: всей этой гражданской войны, этих боев и деревенской жизни. Что-то в нем было. Его тоже что-то не показывают. Может, и не покажут никогда...

— Мне кажется, вы не из тех актеров, которые цепляются за свои роли, бьют себя кулаком в грудь: «Пока я жив, буду это играть, и меня никто не переплюнет!» Вы спокойно передаете роли молодым актерам.

— А зачем цепляться? Мне даже нравится, когда кто-то еще играет мою роль. Это интересно. Интересно посмотреть со стороны на тот же характер, как это делает другой актер. Что-то от этого возьмешь себе, что-то — нет.

— То есть вы ревнивый человек?

— В этом плане — нет. Мне даже нравится играть в два состава.

— А есть у вас любимые театральные работы?

— Я люблю первые свои работы с Эфросом: «Мой бедный Марат», «До свидания, мальчики». Мне нравилось играть в «Иванове», Клавдия в «Гамлете». В «Мудреце», пусть это и небольшая роль. Люблю «Школу для эмигрантов». Там есть возможность импровизации. Нравится партнер, с которым там играю, — Саша Абдулов. Он всегда подхватывает эту игру.

— А есть что-то, что хотелось бы сыграть?

— Все зависит от того, кто это делает, что делает и что за компания. Первый раз на антрепризу недавно согласился: «Последняя ночь царя» у Валеры Фокина. Я почувствовал, что мне это нужно не как актеру — как человеку — появиться в образе Николая Второго. Внутри это было. Я не думал о результате — хорошим будет спектакль или плохим. Просто знал, что мне это нужно. Конечно, что-то получилось, что-то нет. Но я понял, что не зря это делаю — кому-то нужно, и не только мне.

— У вас не возникало желания поиграть в политические игры?

— Нет! Совсем — нет!

— А учить?

— Учить? Да я сам — ученик!

— Но ведь вам есть, что сказать. В ГИТИСе, например...

— Да, что сказать — есть. Более того — мне предлагали преподавать во ВГИКе. Но ВГИК — это немножко не то. Меня больше привлекает театр. ГИТИС, Шуйкинское, может быть. Но сам же я не постучусь и не скажу: «Здравствуйте! Разрешите я вам кое-что расскажу...» Хотя за это время многому научился и, как мне кажется, мог бы этим поделиться. Я вижу это! Но...

Светлана КУЗИНА